Я заперлась в своей комнате, облегченно прислонившись спиной к двери, и вытерла бисеринки пота, выступившие на лбу. Ужин меня окончательно вымотал.

Я поправила наручи на запястьях и кольцо ментальной защиты на пальце – на месте, так почему тогда не работают? Весь ужин творилось псаки знает что. Эмоции колыхались и прыгали, как стайка вспугнутых птиц. Восторг, счастье, радость, пузырьками клубились внутри.

Я, как идиотка, сегодня вечером улыбалась всем и вся – Фей-Фей, которая была очень довольна, Маги, слугам, и даже рыбному пирогу. Я улыбалась, глядя на рыбный пирог, потому что он красивый и вкусный.

Это псаки знает что!

При этом голова работала отдельно. Отдельно я – отдельно эмоции. Нет, кулинарные изыски Маги были выше всяких похвал, но пироги никогда не вызывали у меня чувства умиления.

Если анализировать, то потока эмоций было два… один – щенячье счастье, а второй – удивление и спокойствие по поводу наличия этого самого счастья. Я знаю, про параллельные потоки сознания, но это параллельные потоки эмоций. И это не эмпатия. Та приходит не так, волной, захлестывая с головой, это что-то другое. Новое. Странное. Опять Хэсау?

Один и тот же объект вызывает внутри совершенно разные чувства. Объект. Объекты.

Я оттолкнулась от двери и решительно пошла к шкафу, проверять теорию. Верхние платья, стеганные халаты, охотничьи костюмы, я вышвыривала на пол все, пока не добралась до самой дальней стенки. Там, укрытые легкой газовой полупрозрачной тканью висели те самые танцевальные костюмы, которые я не помнила. Ровно семь штук.

Первый комплект был розовым. Ядовито-розового цвета, который я совершенно не переносила, украшенный чересчур большим количеством жемчуга и побрякушек.

Гадость. Розовая гадость.

Руки самопроизвольно задрожали, погладив нежный шелк, и внутри родилось чувство восхищения, счастья и радости. Прелесть, какая прелесть.

Это было сюрреалистичное ощущение. С одной стороны, очень отчетливо – отвращение. Розовая гадость. С другой – восхищение и ностальгия. Прелесть.

Второй танцевальный комплект, украшенный мирийским кружевом, цвета морской волны. То же самое. Я наблюдала отстранено, анализируя эмоции. Чему-то внутри меня очень нравились эти псаковы тряпки.

Третий комплект. Четвертый. Ситуация повторялась.

Так, пойдем другим путем. Я забрала шкатулку с драгоценностями с туалетного столика и высыпала все на тахту горкой вперемешку.

Серьги, бусы, браслеты, цепочки, кольца. Целое богатство даже по меркам Высших. Дядя никогда не жалел денег для своей племянницы.

Я начала перебирать украшения по одному, держа каждое в руках несколько мгновений. Вот это широкое и простое кольцо, с гравировкой старинными рунами, оно мне нравилось. Но внутри все молчало. А вот эти длинные нефритовые серьги я не одевала ни разу, но именно вызывали вспышку узнавания и чувство счастья внутри.

Псаки.

Я перебрала все, отложив небольшую кучку отдельно. То, что не нравилось лично мне, но вызывало странные чувства.

Что можно попробовать ещё? Коробка с боевым луком Акселя занимала почетное место на низком чайном столике, я не стала оставлять его на стрельбище, буду ухаживать сама. Крышка щелкнула и на бархатном ложе появилась моя прелесть. Красивый, я повторила контуры резьбы кончиками пальцев. Надежный. Великолепный.

В ответ внутри всколыхнулось отчетливое отвращение. Много-много отвращения. Хотелось захлопнуть крышку, отправить коробку в самый дальний угол, и вернуться к тряпкам и украшениям.

Вот оно. Я поймала тебя, что бы это ни было.

Не может же все одновременно нравиться и не нравиться, вызывая полярные эмоции? Не может. Единственная идея, которая пришла мне в голову требовала дополнительной проверки.

В дверь постучали.

– Мисси, мастер Ликас ждет в лаборатории, – Нэнс осторожно заглянула в комнату и вошла. – Вы решили разобрать шкатулку? – она потянулась к маленькой кучке украшения и вытащила те самые нефритовые серьги. – Я давно говорила, почистить бы, мисси. Раньше каждый день носили, а сейчас почитай все свои любимые вещи забросили.

Забросили? Любимые вещи? Прекрасно.

– Забери их Нэнс. Все. И не возвращай, пока хорошенько не отчистишь. Потом собери здесь

все, я кое-что искала.

– Айу, божечки, мисси, тут работы до полуночи. Вы мисси, в следующий раз скажите мне, я аккуратно найду…, – служанка с причитаниями бросилась к развороченному шкафу.

***

Освещение в лаборатории стало приглушеннее. Было достаточно светло, но яркость магических светильников изменилась так, что стало понятно – наверху, на улице, уже настал поздний вечер.

Ликас сидел, скрестив ноги, перед чайным столиком традиционной высоты, который по настоянию мастера Луция установили в дальнем углу. Луций сказал, что будет приходить ко мне пить чай.

Или так падал свет, или Ликас действительно был сумрачен. Лицо было в тени, брови нахмурены, пальцы ритмично отстукивают по столешнице.

– Вайю, – Наставник указал на мягкий коврик напротив. Я села, скрестив ноги. – Руки на столешницу, – он развернул мои ладони вниз, чтобы они упирались в стол. – На будущее, удобно уходить в Круг в медитации. Положение устойчиво при возвращении, и не вызывает вопросов, если что–то затянется.

Логично. Я кивнула в ответ.

– Закрывай глаза, Вот так. Теперь постарайся представить образ Хранителя, так, как ты видела в пещере.

Хранителя или Хранителей? Встречаться с мерзкой бабой ещё раз категорически не хотелось.

Но я послушно вздохнула и начала вспоминать, закрыв глаза.

Вспыхнул свет и начал обрисовывать силуэт фигуры. Широкие плечи, перевязь, сапоги, меня затянуло в какую–то воронку света и я открыла глаза уже во внутреннем пространстве. На той самой скальной площадке, перед пещерой. Полупрозрачная фигура Хранителя-мужчины молчаливо застыла за моим левым плечом.

Ликас появился на площадке мгновение спустя. Коротко, почтительно кивнул Хранителю и, подцепив мое запястье потащил дальше.

Картинка сменилась.

Теперь мы шагали по мощеной мостовой пустынной улицы. Стандартные южные постройки, лавки, чайхана. Народу на улицах не было вообще, как-будто город вымер.

Ликас подвел меня к чайхане, на входе тренькнули колокольчики, качнулись бусины штор и мы вошли внутрь.

В чайхане тоже было пусто.

Ни посетителей, ни слуг. Только ряды пустых низких столиков с циновками. В отдельном алькове справа сквозь ширму виднелся силуэт чьей-то фигуры и Ликас повернул туда.

– Наставник, – Ликас низко поклонился. Старик, который сидел за столиком и вдыхал аромат чайных листьев, даже не открыл глаза, просто дернул головой в ответ.

Он чем-то неуловимо был похож на того старика, который вытащил меня из Круга в самый первый раз, когда меня затянуло. Седые волосы, длинные косички, украшенные костяными бусинами, простой белый халат. Длинная борода и свисающие на грудь усы. Прямо живое воплощения старика-ученого.

– Я привел свою ученицу, – Ликас подтолкнул меня вперед, на циновку перед столиком. Кланяться я не стала, просто коротко кивнула. Зачем приветствовать, если он все равно даже не смотрит в мою сторону?

– Я прошу Наставника быть свидетелем в клятве, – да, Ликас так и не принес мне клятву в Круге. Сказал, нужно, чтобы скрепили.

– Поздно, – скрипучий голос раздался внезапно. Как будто дверные петли забыли смазать конопляным маслом. – Или рано.

– Наставник?

– Иди, – старик повелительно кивнул в ответ и Ликас, ещё раз внимательно посмотрев на меня, вышел из алькова, и занял место далеко, у самого входа в чайхану.

– Ясного вечера, – я сложила ладони в традиционном приветствии Старшему и склонилась.

– Налей себе чаю, вопрошающая, – старик так и не открыл глаза.

Вопрошающая? Чаю мне не хотелось, но я послушно подтянула к себе пузатый чайничек и

налила немного в пиалу. Пить не решилась. Тут мне вообще не хотелось ни есть, ни пить.

– Спрашивай, – опять скрипучие отрывистые интонации.

– Марта… и Наставник сказали, что вы помните будущее, которое было прошлым. Чужие воспоминания о том будущем, которое ещё не произошло. Вы видели, что будет через десять… пятнадцать зим в Империи, – я волновалась, голос немного дрогнул.

– Неправильный ответ, – я вроде не отвечала, а спрашивала?

– У меня нет правильного. У меня есть только этот.

– Неправильный ответ, – чувствую с этим Стариком будет сложно. Зайдем с другой стороны.

– Вы Помнящий? – Старик величаво кивнул. – Я хочу поговорить о будущем.

– Неправильный ответ.

– А как будет звучать правильный?

– Я хочу поговорить о прошлом. Это правильный ответ.

О прошлом? Зачем? О каком именно прошлом? В прошлом перерождении или в этом?

– У меня нет вопросов о прошлом.

– Неправильный ответ.

Я застонала сквозь зубы. Это что, проекция птицы–говоруна?

– Как прошлое влияет на будущее?

– Неправильный ответ.

– Что я должна знать о прошлом?

Старик долго молчал и первый раз за весь разговор открыл глаза. Зрачки были затянуты едва прозрачной белесой пленкой, которая закрывала глаза. Помнящий был слеп. Незрячий взгляд смотрел в одну точку. Я уже видела такие глаза в прошлой жизни, ни один раз. Это не пугало,

но внутри колыхнулся иррациональный страх, и я почувствовала желание сбежать отсюда. Немедленно. Подальше от этого страшного Старика.

– Неправильный ответ. Стоит спросить, почему ты боишься и не боишься одновременно.

– И почему? – покладисто повторила за Стариком я.

– Мнения Круга Старейшин разделились. Незнание – это благо. Пусть решает Мир. И та, что вошла в Круг, имеет право знать. Выбор.

– Выбор? Я должна сделать выбор? Какой? Знать или не знать?

– Многие знания многие печали. Когда живешь с повязкой на глазах, и срываешь ткань, Мир не всегда такой, как нам казалось. Иногда незнание о прошлом благо.

Об этом говорил Ликас? Незнание, благо, выбор? Эта псакова иносказательность.

– Зачем мне знать о прошлом? Меня интересует будущее?

– Без прошлого нет будущего. У тебя нет прошлого в этом Мире, Чужая душа.

Чужая душа. Он знает. Знает обо мне.

– Я хочу, чтобы будущее было, – пришлось откашляться. Голос осип.

– Сделай выбор. Чужая душа. Знание или незнание.

– То есть у меня всего два выбора, знать или нет? Что будет, если я откажусь от ваших «знаний», что будет дальше? Я спокойно встану и уйду? – или меня не выпустят из этого псакова Круга, и я останусь тут навечно.

– Выборов больше. Вероятностей около десяти только сейчас, – он обвел рукой альков чайханы. – Отказ – это просто отказ. Выбор незнания. Каждый дух имеет право на выбор.

– И я могу сейчас просто уйти?

Старик кивнул в ответ, продолжая смотреть неподвижным взглядом.

– Что меня ждет дальше, если я просто уйду.

– Смерть, – проговорил Старик равнодушно.

– А если выберу знания, если останусь?

– Смерть, – прозвучало эхо предыдущего ответа.

– То есть, любой выбор ведет к смерти? – псаков бред, просто какой–то псаков бред.

– Все выборы ведут к смерти. Жизнь ведет к смерти.

– В результате выбора я проживу жизнь и приду к смерти?

– Быстрый выбор. Быстрая смерть.

Мое терпение было на исходе.

– Предположим, я отказываюсь. Ухожу. Какая это будет быстрая смерть?

– Мир уничтожит чужую душу.

– Можно подробнее. Я не понимаю.

– Сначала выбор. Потом ответы. На выбор влиять нельзя. Время истекает.

Выбор между чем и чем? Знать и не знать? Смерть и смерть? О, нет. Быстрая смерть и быстрая смерть, какой богатейший выбор. Что тут выбирать? Владеющий знаниями владеет собой, а потому владеет миром. Информации много не бывает.

– Знать. Я выбираю – знать.

– Это твой выбор, чужая душа?

– Это мой выбор, Помнящий. Я выбираю – знания.

– Выбор принят, – седовласая голова склонилась, и первый раз за сегодня я получила в ответ полноценное приветствие. Он почти коснулся лбом стола, склонившись очень низко. – Чужая душа, аллари в моем духе приветствуют тебя в нашем Мире.

Я кивнула в ответ. Аллари или не аллари, в этом мире или в том, все эти старые хрычи никогда

не переходят сразу к делу, не напустив кучу тумана.

http://tl.rulate.ru/book/23579/502500